

УДК 94(470) + 279.99 + 002:008 + 82-141

Н. В. Ануфриева

**«...ДОЖДАЛИСЬ И МЫ ЖЕСТОКОЙ ЗИМЫ...»:
К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО
ДУХОВНОГО СТИХА**

В статье проводится анализ одного из известных старообрядческих духовных стихов в разных списках с целью выявить историческую подоплеку описанных в стихе событий. Путем сопоставления фактов, определения местонахождения упомянутых в стихе географических объектов, хронологии удалось определить реальные составляющие лирического произведения, доказывающие, что написано оно в связи с трагическими событиями 1848 г. — разгромом правительственными войсками старообрядческого Лаврентиева монастыря (Гомельская обл.). Кроме того, отмечается роль этого стиха в развитии не только традиционной, но и классической музыкальной культуры, поскольку его текст и напев был в свое время использован в оперном искусстве (М. Мусоргский «Хованщина»).

К л ю ч е в ы е с л о в а: история России; история церкви; книжная культура; старообрядчество; духовные стихи; Лаврентиев монастырь; Иргиз; единоверие.

Старообрядческое народно-поэтическое творчество своими корнями уходит в глубокие пласты народного песенного искусства, былинного эпоса, народного сказительства. Доступный для понимания чистый песенно-народный «язык» духовного стиха доносил до слушателя и читателя важнейшие догматические положения, канонические и апокрифические житийные сюжеты, а также передавал тончайшие стороны душевных переживаний, настроений, размышлений по поводу несовершенства окружающего мира, несправедливости властей, посмертной расплаты за грехи, поучения и мн. др. Несмотря на то, что практически каждый стих был кем-то и по определенному поводу написан, тем не менее, духовные стихи, как и многие другие старообрядческие произведения, в основном, анонимны. Более того, в процессе своего бытования они подчас «обрастали» новыми деталями повествования, приобретали новые черты и особенности, что характерно для произведений устного народного творчества.

Духовный стих, который мы рассматриваем в данной статье, как и многие другие произведения этого жанра, отличается, прежде всего, песенно-лирической направленностью, трогательной задушевностью, яркой эмоциональной окраской. Но, помимо этого, его отличительной особенностью является историчность сюжета и последовательность в изложении важных событий в жизни старообрядцев, которые изложены подчас иносказательно, с художественным подтекстом.

Речь пойдет о широко распространенном и любимом в старообрядческой среде духовном стихе, имеющем начало: «Боже, приидоша времена до нас...». Этот популярный стих неоднократно анализировался в работах многих исследователей [см.: Абрамов; Адрианова-Перетц; Игошев; Казанцева, Мосин; Казанцева, Философова; Перекрестов и др.], однако, на наш взгляд, вопросы происхождения и содержания стиха до сих пор не имеют однозначного решения.

Список этого стиха включен в состав лицевого сборника книжного собрания Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета [ЛАИ УрФУ, XVII. 93р/4219].

Исходя из названия, а также на основании текста стиха вырисовывается яркая, эмоционально насыщенная картина разорения Иргизских скитов, что происходило в правление и по приказу императора Николая I. С болью в сердце автор повествует о монастырской братии, вынужденной «оставлять церкви чудныя...»¹ и переселяться на далекий Кавказ («...поселили их близ Лекорана...»). Скорбь переполняет душу автора: «...где правдивый суд, его не стало...». Тем не менее, с кротостью и смирением братия принимает это испытание: «...за обидящих Богу молимся...».

На первый взгляд, совершенно ясная картина — переживание, боль, горечь по поводу трагических событий на Иргизе в первой половине XIX в. — разорения старообрядческих монастырей. Такой точки зрения в своих работах придерживаются Л. Игошев, который рассмотрел список стиха, опубликованный Т. С. Рождественским в исследовании о старообрядческой поэзии [Игошев; Рождественский], и Р. И. Перекрестов, обнаруживший данный стих в сборнике полемически-уставного характера из библиотеки Новозыбковско-Клинцовского епископа Флавиана (Фёдора Кузмича Разуваева, 1847–1933) [Перекрестов]. Варианты текстов в списках стиха, в целом, совпадают². В них имеются конкретные географические указания и привязки к месту действия: «Иргизские воды в море бегут, жители Иргиза из скитов бегут...». Казалось бы, не вызывает сомнений отражение в сюжете трагических событий первой половины XIX в., а именно разорения монастырей Иргиза.

Однако данный вывод не бесспорен. В монографии А. А. Наумлюка, посвященной исследованию истории Иргизских монастырей есть замечание по поводу этого стиха и его анализа в работе Р. И. Перекрестова [Наумлюк, с. 8]. Автор делает вывод о том, что стих не имеет отношения к историческим событиям на Иргизе в рассматриваемый период. Однако ученый обходит стороной вопрос — о каких событиях повествует стих, очевидно, потому что это не входило в задачи исследования.

Приведем свои наблюдения по этому вопросу.

В тексте стиха есть любопытное упоминание о реке Узе: «...Поминать мы будем про житье свое: жили при реке при быстрой Узе...». Уза — река в Пензенской и Саратовской областях, левый приток Суры, протекает в пределах Приволжской возвышенности.

Однако есть и другая река, под таким же названием — Уза, которая протекает в Гомельском районе и является правым притоком реки Сож. И на берегу этой самой Узы находился когда-то старообрядческий монастырь, названный по имени инока-схимника Лаврентия, который «...с немногими из ветковской братии удалился в лес, на берега Узы, и здесь поставил келью и маленькую часовенку

¹ Здесь и далее цитаты по спискам стиха (см. Приложение).

² Вариант стиха «Плач по Иргизу», обнаруженный Р. И. Перекрестовым, приведен в Приложении.

во имя Всемиловитого Спаса летом того же 1735 г., когда была произведена ветковская выгонка...» [Мельников-Печерский, с. 310]. По мнению известного исследователя ветковско-стародубского старообрядчества М. И. Лилеева, «...о времени основания Лаврентиева монастыря нет прямых и более или менее точных указаний; но все-таки есть основания предполагать, что он был основан прежде первой Ветковской выгонки, а не после нее, как утверждает П. И. Мельников...» [Лилеев, с. 367].

Несмотря на то, что мнения ученых по поводу даты основания монастыря разделились — 1731 г. (М. И. Лилеев) и 1735 г. (П. И. Мельников-Печерский), — для нас важно представить себе картину возникновения нового старообрядческого скита в 30-е гг. XVIII в., затерянного в лесах и очень бедного в первые годы своего существования: «...братия при Лаврентии на первых порах не столько ради иноческих подвигов, сколько ради нищеты невольной, питалась... нередко дубовой корой и кореньями...» [Там же, с. 368].

В царствование императрицы Екатерины вновь остро был поставлен вопрос о переселении старообрядцев с польского рубежа. Это произошло в 1764 г.

По мнению некоторых ученых, именно в это время был написан наш стих и рассказывается в нем о разорении Лаврентиева монастыря в период второй ветковской «выгонки» [Абрамов, с. 116; Адрианова-Перетц; Пастушенко].

Местечко Гомель в рассматриваемый нами период так же, как и Ветка, был заселен старообрядцами, а численностью и богатством даже превосходил ее. Но, по словам М. И. Лилеева, «...Ветка преимуществовала и перед Гомельской раскольничьей общиной и перед другими, ей подобными, своею церковью и была потому как бы метрополией всего русского поповщинского старообрядства...» [Лилеев, с. 358].

Именно поэтому по Ветке был нанесен сокрушительный удар второй правительственной «выгонки», а некоторые небольшие скиты и монастыри под Гомелем смогли уцелеть и даже, со временем, развиваться и основательно укрепиться. Это и произошло с Лаврентиевым монастырем. Удобное местоположение монастыря во многом обуславливало его безопасность, поскольку находился он «...среди дремучего столетнего бора, между трясин и болот... с трех сторон окруженный глубокой, быстрой и омутистой Узой...» [Мельников-Печерский, с. 307]. С 1775 г. владельцем гомельских земель стал фельдмаршал П. Румянцев, которому императрица Екатерина пожаловала их за славные военные заслуги. Как пишет П. И. Мельников-Печерский, «...деревня была местечко Гомель с 293 тысячами десятин земли, на которой, между многочисленными поселениями белоруссов, находились старообрядческие слободы и монастыри Лаврентьев, Макариев, Пахомиев и Асахов, или Чолнский. Новый владелец гомельского имения благосклонно отнесся к старообрядцам — “своим подданным”, как он выражался, и постоянно покровительствовал их монастырям...» [Там же, с. 314]. Это было «золотое время» для монастырской братии. Под защитой и покровительством Петра Румянцева, а после его смерти в 1796 г. его сына графа Николая Румянцева, будущего канцлера России, положение Лаврентьевой и других обителей значительно улучшилось. Ситуация стала меняться с 1826 г., после

смерти Н. Румянцева, и особенно после смерти игумена Симеона в 1829 г., строго следившего за порядком и благочинием в монастыре [Мельников-Печерский, с. 323]. В стране активно проводилась политика перевода старообрядческого населения в единоверие, как методами убеждения, путем устройства единоверческих монастырей вместо старообрядческих, так и насильственными военными приемами — путем выселения, изгнания из монастырей и скитов людей, несогласных с подобными условиями. Для приверженцев «древлеправославной церкви» это были жестокие, кровавые и трагичные времена.

Попытки обращения насельников Лаврентиева монастыря в единоверие предпринимались в 30-х гг. XIX в., но они не имели успеха. «Семь монахов из самых значительнейших, и во главе их Иаков, подписали акт о присоединении к православию на условиях единоверия...» [Там же, с. 322]. Но иноческая братия, не согласная с таким решением, с позором изгнала Иакова и его единомышленников из монастыря [Там же, с. 323]. Однако в монастыре не затихали споры, распри между сторонниками и противниками единоверия. Длилось это вплоть до 1844 г., когда монастырь был полностью разрушен правительственными силами, а его обитатели вынуждены были искать себе новое прибежище.

У П. И. Мельникова-Печерского есть интересное наблюдение о лесе, окружавшем Лаврентиев монастырь, который: «...однажды от сильной бури разом повалился на огромном пространстве. Случилось это вскоре по закрытии монастыря, в конце сороковых годов...» [Там же, с. 309]. Тяжело переживали это событие приверженцы старой веры. Вот как писали они в Петербург: «...Разорили наш монастырь, разметали жилища наши и место свято, храм молитвы, аки негодную овощную храмину раскидали. Погубили славную красоту церковную и распустили стадо Христовых овец. Все изгибло, все травой поросло...» [Там же].

Вернемся теперь к тексту стиха³. Здесь те же нотки отчаяния, боли и страдания. Начинается стих с горького повествования по поводу беды, обрушившейся на иноков Лаврентьева монастыря. От первого лица рассказывается о печальных событиях текущего времени: «...разсылают нас, разлучают нас, дабы неразлучно идти за Кавказ...»⁴. Затем повествовательный акцент меняется и рассказ идет уже от третьего лица: «Иргизския воды в море бегут, жители Иргиза из скитов бегут...». Рассказывается о том, где нашли пристанище жители Иргиза: «...Поселили их близ Лекорана...». А далее вновь меняется стиль стихотворного письма, повествование опять идет от первого лица: «...Дожили мы грешныя до жестокой зимы...». В клинцовском варианте стиха (Р. И. Перекрестов) даже делается определенный акцент в этой фразе: «...Дождались *и мы* (курсив наш. — Н. А.) жестокой зимы, выслали всех нас без всякой вины...».

Таким образом, автор раскрывает перед нами последовательную картину происходивших трагических для старообрядчества событий. Дошли тяжелые времена правительственных репрессий до глухих белорусских лесов, до Лаврентиева монастыря (1844 г.). Переживая это событие, автор вспоминает

³ Несмотря на некоторые текстовые различия в разных списках, в целом содержание совпадает.

⁴ Цит. по списку ЛАИ УрФУ (см.: Приложение).

подобные горестные времена, происходившие совсем недавно на Иргизе (с 1838 г. по 1841 г.), рассказывая о своих братьях по вере, которые вынуждены были бежать кто куда, не соглашаясь на предлагаемый правительством компромисс и сохраняя в чистоте свою веру. А затем рассказчик вновь говорит о себе, о своих братьях, — и им пришлось дожить до таких тяжелых дней, и они вынуждены тоже бежать со своих, дорогих их сердцу мест. Автор горько сокрушается по поводу случившегося: «...Теперь все замолкло и нет ничего, погибло, истлело, травой поросло...», — и одновременно думает о том, как сложится жизнь на новых местах: «...Построим мы кущи вместо светлых келий, мы будем в молчаньи вместо громких пеней...».

Любопытно замечание автора по поводу реки Узы. Конечно, здесь речь идет не о реке в Саратовской области, а об Узе близ Гомеля. В Поволжье монастыри находились на реке Иргиз, а река Уза расположена достаточно далеко от них.

Вятский список стиха (ЛАИ УрФУ) наиболее отличен от других. Будучи переписанным в регионе, где сильны позиции беспоповцев, стих отразил их взгляды. К примеру, строка: «...за царя молить и в поли будем...» здесь заменена: «...за обидящих будем Бога молить...» (филипповцы и федосеевцы не принимали моление за царя). Вятские редакторы стиха, видимо, хорошо представляли местоположение иргизских монастырей, поэтому убрали упоминание о реке Узе, а усилили указание на то, что события происходили на Иргизе. Это отмечено как в названии стиха: «Стих горестный иргизских иноков...», так и в самом тексте: «Как жили при Иргизе при быстрой реке...».

В стихе есть строки: «Цвела обитель более ста лет...». Лаврентиев монастырь просуществовал с 1735 г. по 1844 г., т. е. более ста лет, в то время как на Иргизе старообрядческие монастыри просуществовали с 60-х гг. XVIII в. по 30–40-е гг. XIX в. Этот факт также является косвенным доказательством того, что стих был написан именно на тему истории Лаврентиева монастыря.

Сравнительная таблица списков стиха наглядно показывает как общие составляющие сюжета, детали описания событий, эмоциональный трагедийный фон повествования, так и разницу в подаче материала.

Стих «Боже, приидоша времена до нас...» привлекает к себе внимание особым речитативным настроем, распевным ритмом, мелодией слога. Это прекрасное стихотворное произведение, которое, без сомнения, легко перекладывается на музыку. Напевы его, скорее всего, имели различия в зависимости от места бытования. Это очень важная сторона исследования духовного стиха, но мы не касаемся ее, поскольку это сфера деятельности музыковедов. В рамках нашей статьи необходимо отметить, что данный стих был включен в контекст развития русской классической музыки. По мнению некоторых исследователей, его напев в свое время привлек внимание М. П. Мусоргского и лег, среди прочих, в основу «раскольничьих хоров» в знаменитой опере «Хованщина» [Игошев].

Использование в классической музыке традиционных древнерусских напевов не редкость, но отражение нашего духовного стиха в произведении Мусоргского следует еще изучать, поскольку композитор писал свое произведение с большими перерывами, и к моменту его смерти оно осталось неоконченным [Богачев].

Существует несколько редакций оперы, и первой была наиболее известная редакция Н. А. Римского-Корсакова, который написал тему заключительного хора по мотивам раскольничьей молитвы. Как пишут музыковеды, «...к сожалению пока не удалось обнаружить прообразов интересующего нас хора в песнопениях раскольников...» [Головинский, Конотоп, с. 205]. Поскольку рассматриваемый нами стих бытовал в разных регионах и, вероятно всего, существовал в разных вариантах напевов, имеет смысл, прежде всего, отыскать их, сопоставить и сравнить с «раскольничьими хорами» из оперы, желательно первой оригинальной редакции М. П. Мусоргского.

Современные исследователи ставят вопрос «...о необходимости сравнительно-исторического изучения духовных стихов “с общеславянской точки зрения как общеславянского достояния” и даже шире — христианского» [Бахтина, с. 27]. Эта мысль была высказана еще в дореволюционной науке как перспективное направление, но, к сожалению, до сих пор нереализованное [Там же]. На наш взгляд важно исследование в сравнительно-историческом развитии не только музыкальной составляющей духовных стихов, но и исторического событийного фона. Старообрядческий духовный стих является замечательным и уникальным материалом, позволяющим живо и наглядно почувствовать дух времени, понять ход истории непосредственно в событиях и лицах и, кроме того, ощутить скрытые от людского глаза «тайны души русской», ее страдания, переживания, радость и грусть.

Абрамов И. Старообрядцы на Ветке. Этнографический очерк // Живая старина. СПб., 1907. Вып. 3. С. 115–121. [Abramov I. Staroobryadcy na Vetke. Jethnograficheskij ocherk // Zhivaja starina. SPb., 1907. Vyp. 3. S. 115–121.]

Адрианова-Перетц В. П. Старообрядческая литература XVIII века // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4. Ч. 2. С. 85–99. [Adrianova-Peretc V. P. Staroobryadcheskaja literatura XVIII veka // Istorija russkoj literatury. M.; L., 1947. T. 4. Ch. 2. S. 85–99.]

Бахтина В. А. Место духовного стиха в системе жанров славянского фольклора // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов науч.-практ. конф. М., 1997. Вып. 2. С. 21–28. [Bahtina V. A. Mesto duhovnogo stiha v sisteme zhanrov slavjanskogo fol'klora // Slavjanskaja tradicijonnaja kul'tura i sovremennij mir : sb. materialov nauch.-prakt. konf. M., 1997. Vyp. 2. S. 21–28.]

Богачев В. Ю. Исторические и жанрово-композиционные предпосылки формирования оперного языка (на примере творчества М. Мусоргского). Одесса, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.nbuv.gov.ua> [Bogachev V. Ju. Istoricheskie i zhanrovo-kompozicijonnye predposylki formirovanija opernogo jazyka (na primere tvorchestva M. Musorgskogo). Odessa, 2011 [Electronic resource]. URL: <http://archive.nbuv.gov.ua>]

Головинский Г., Конотоп А. Мусоргский и древнерусская традиция (Опыт практической разработки проблемы) // Музыкальная Академия. М., 1993. № 1. С. 206. [Golovinskij G., Konotop A. Musorgskij i drevnerusskaja tradicija (Opyt praktičeskoj razrabotki problemy) // Muzykal'naja Akademiya. M., 1993. № 1. S. 206.]

Горбацкий А. А. Старообрядчество на белорусских землях. Брест, 2004. [Gorbackij A. A. Staroobryadchestvo na belorusskix zemljah. Brest, 2004.]

Игошев Л. Вся пророчества совершаются (Старообрядческий духовный стих) [Электронный ресурс] // День литературы. 2001. № 12 (63). URL: <http://www.synaxis.info/psalom/>

hymnography/9_paraliturgical/articles/62.html [Igoshev L. Vsja prorochestva sovershajutsja (Starobryjadcheskij duhovnyj stih) [Electronic resource] // Den' literatury. 2001. № 12 (63). URL: http://www.synaxis.info/psalom/hymnography/9_paraliturgical/articles/62.html]

Казанцева М. Г., Мосин А. Г. Экспедиции уральских археографов на Вятку в 1984–1988 годах // К истории книжной культуры Южной Вятки. Л., 1991. С. 12–25. [Kazanceva M. G., Mosin A. G. Jekspedicii ural'skih arheografov na Vjatku v 1984–1988 godah // K istorii knizhnoj kul'tury Juzhnoj Vjatki. L., 1991. S. 12–25.]

Казанцева М. Г., Филоsofoва Т. В. Музыкально-поэтическое творчество Поморского Севера в Вятской старообрядческой традиции // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 81–111 и др. [Kazanceva M. G., Filosofova T. V. Muzykal'no-pojeticheskoe tvorcestvo Pomorskogo Severa v Vjatskoj starobryjadcheskoj tradicii // Ural'skij sbornik. Istorija. Kul'tura. Religija. Ekaterinburg, 1998. Vyp. 2. S. 81–111 i dr.]

Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. [Lileev M. I. Iz istorii raskola na Vetke i v Starodub'e. XVII–XVIII vv. Kiev, 1895. Vyp. 1.]

Мельников-Печерский П. И. Очерки поповщины // Мельников-Печерский П. И. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. [Mel'nikov-Pecherskij P. I. Oчерki popovshhiny // Mel'nikov-Pecherskij P. I. Poln. sobr. soch. SPb., 1909. T. 7.]

Наумлюк А. А. Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью. Саратов, 2009. [Naumljuk A. A. Centr starobryjadchestva na Irgize: pojavlenie, dejatel'nost', vzaimootnosheniya s vlast'ju. Saratov, 2009.]

Пастушенко Т. Пусть будет наш посад назван Веткой / Летопись района [Электронный ресурс] // Голос Веткаушчины. 2012. № 13 (330). URL: <http://gv-smi.gomel-region.by/ru> [Pastushenko T. Pust' budet nash posad nazvan Vetkoj / Letopis' rajona [Electronic resource] // Golos Vеткаushchiny. 2012. № 13 (330). URL: <http://gv-smi.gomel-region.by/ru>]

Перекрестов Р. И. Плач по Иргизу [Электронный ресурс] // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2002. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru> [Perekrestov R. I. Plach po Irgizu [Electronic resource] // Starobryjadchestvo: istorija, kul'tura, sovremennost'. M., 2002. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru>]

Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии // Записки Московского археологического института. М., 1909. Т. 6. [Rozhdestvenskij T. S. Pamjatniki starobryjadcheskoj poezii // Zapiski Moskovskogo arheologicheskogo instituta. M., 1909. T. 6.]

Статья поступила в редакцию 23.09.2014 г.

Абрамов П. И. О разорении Лаврентьева монастыря, близ Гомеля (на события 1764 г.). СПб., 1907	Перекрестов Р. И. Плач по Иргизу. М., 2002	ЛАИ УрФУ. XVII собр. 93р/4214. «Стих горестный иргизских иноков при изгнании их в разные страны»
<p>Боже, приидоша времена до насъ, О них пророкоша еще прежде насъ, О них пророкоша еще прежде насъ. Пустыня была всемъ прибежище, Ныне уже и там нетъ убежища. Разсыпаютъ насъ, различаютъ насъ, Рады бь различны итти за Кавказъ. Не противимся Божией воли, Идемъ во своя мы поневоли. Весь светъ намъ отечес тво, Где-бъ не умирать, Кто польстится на честь, Гроба не миновать, Оставляемъ храмы пречодно созданы, Златомъ и серебромъ богато убранны. За царя молити у поли будемъ¹, Про житие свое во векъ не забудемъ. Пушай владеють чожимъ насильно, Скоро судія воздасть обильно Равень у него царь и воинь Богату и нищу судія единъ. Иргизскія (Иргизскія?) воды въ море утекли, Его жителей вонь выгеснири, Поселили ихъ близъ Ленкорана, Имъ свобода тамъ вполне дана, Аракъ гора и Аркасъ река Въ соседстве у нихъ въ последний века. Каспійское море обливаетъ ихъ, Песчаные степи засыпають ихъ,</p>	<p>Боже приидоша, времена до нас: О них пророкоша, еще прежде нас. Пустыня была, всем прибежище: Ныне уж и там, нет убежища. Разсылают нас различают нас, рады б различно итить за Кавказ: Не противимся Божией воле, идем восвова мы поневоле. Весь свет нам отечество, где б не умирать: Кто польстится начать, гроб не миновать Оставляем храмы пречодно созданы, златом и серебром богато убранны. За царя молить, и в поли будем: Про житие свое, век не забудем. Пушай владеют, чужим насильно: Скоро Судия, воздаст обильно. Равен у Него, и царь и воин: Богату и нищу, Судия един. Иргизская воды, в море утекли: Его жителей, вон выгеснили. Поселили их, близ Ленкорана: Им свобода там, вся вполне дана. Аракат гора, и Аракс река: В соседстве у них, в последи века. Каспийское море, их обливает: Пешаная степь, их засыпает. Снеговая горы, покрывают их: И река Ефрат, недалече их. Дождались и мы жестокой зимы</p>	<p>Боже приидоша, времена до нас, О них пророкоша еще прежде нас: Пустыня была, всем прибежище, Ныне уже там, нет убежища: Разсылают нас, различают нас, Дабы различно ити за Кавказ. Не противимся мы, воли Божией, Идем куда шлют, не волей своей; Оставляем мы, церкви чюдныя, Златом и серебром украшенныя; За обидящих будем Бога молить, Про житье свое не можем забыть; Пусть их владеют, чуждим насильно, Скоро Судия придет, воздаст им обильно. Равен у него и воин и царь, Богату и нищу, един Судия; Иргизския воды в море текут; Жители Иргиза из скитов бегут; Поселили их близ Лекорана, Им свобода там полная дана; Аракат гора и Ракас река, В соседстве у них, в текущи века; Каспийское море окропляет их, Снеговая горы осеняют их; Песчаная степь засыпает их: И Евфрат река не далече их; Дожили мы грешныя жестокой зимы. Выслали нас всех без всякой вины; Власти (жж) — (так! — А. Н.)</p>

¹ Здесь и далее полужирным шрифтом выделены фразы, на которые следует обратить внимание при сравнительном анализе.

<p>Абрамов П. И. О разорении Лаврентьевского монастыря, близ Гомеля (на событиях 1764 г.). СПб., 1907</p>	<p>Перекрестков Р. И. Плач по Иргизу. М., 2002</p>	<p>ЛАИ УрФУ. ХVII собр. 93р/4214. «Стих горестный иргизских иноков при изгнании их в разные страны»</p>
<p>И река Ефратъ недалеко ихъ, Дождалися мы жестокой зимы, Выслали всехъ безъ всякой вины. Мы власти повинуемся, За обидящихъ Богу молимся. Построймъ мы кущи вместо светлыхъ келий, Мы будемъ въ молчаньи, вместо громкихъ Громкихъ пеней, Поминать мы будемъ про житье свое, Жили при реке быстрой Узе, Но время быстрей сей нашей реки, Оно унесло младые веки. Цвела обитель более ста летъ, Ныне опустела, уже ея нетъ. Звонъ былъ удивленный, аки громъ гремелъ, Соборъ разныхъ птицъ Сладко песни пелъ. Теперь все замолкло и нетъ ничего, Погибло, истлело, травой заросло. Перестаньте петь веселые птицы! Скоро улетайте за моря отъ насъ Скажите за моремъ, что уже насъ тутъ нетъ; Къ намъ не прилетайте къ будущему лету, Пушай распеваеъ здесь одна сова, Летучия мыши и воробьевъ стада. Прохожий не можетъ безъ слезъ пройти, Разсматриваеъ разные приметы... Никого не видить, никто не встречаеъ, Онъ все обзирая, главою качаеъ. Где праведный судъ? Его не стало, Какъ пръвратное врѣмя настало. Коли жь изволивъ Богови служить, Не треба ему о себе тужить</p>	<p>Выслали всех нас, без всякой вины. Мы во всем власти, повинуемся: Как превратное, время настало. За обидящих, Богу молимся. Постройм мы кущи, вместо светлых келий: Мы будем в молчании, вместо громких пеней, Поминать мы будем, про житье свое: Жили при реке, при быстрой Узе. Но время быстрее, сей нашей реки: Оно унесло, младые веки. Цвела обитель, более ста лет: Ныне опустела, уже ея нет. Звон был удивленный, аки гром гремел: Собор разных птиц, сладко песни пел. Теперь все замолкло, и нет ничего: Погибло потлело, травой заросло. Перестаньте петь, веселыя птицы: Скоро улетайте, за море от нас. Скажите за морем, что уж нас тут нету: К нам не прилетайте, к будущему лету. Пушай распеваеъ, здесь одна сова: Летучия мыши, воробьев стада. Прохожий не может, без слез пройти: Рассматривая, разные предметы. Никого не видит, никто ни встречаеъ: Он все обзирая, главою качает. Где праведный суд, его не стало: Как превратное, время настало.</p>	<p>Божией повинуемся, За обидящих Богу молимся. Поминать мы будем житье свое, Как жили при Иргизе, при быстрой реке; Оно унесло златые веки. Цвела здесь обитель, более ста лет, Ныне опустела, уже ея там нет; Звон был удивлен, аки гром гремел, Собор разных птиц, сладки песни пел. Теперь все замолкло, и нет ничего, Погибло, потлело, как мхом заросло; Перестаньте петь, веселыя птицы. Скоро улетайте за море от нас; К нам не прилетайте в будущем году За морем скажите, что нас уже нет; Здесь уже не будет веселых келий, И неслышно будет сладостных пеней; Пушай вопнездится серая сова, Летучия мыши, воробьев стада; Прохожий не может без слез пройти Рассматривает предметы вблизи; И все это он видит, и что встречает, Он все обзирает, главою качает; Где правдивый суд, его не стало, Как превратное время настало; Из Иргизу нас, выте...</p>